

Мозун Дажэн усмехнулся холодно:

— Похоже, ты и впрямь совсем не понимаешь своего ученика.

Они разговаривали уже довольно долго.

И вдруг, обернувшись, заметили: Цзянь Чжэнь, высунув маленькую головку, с неподдельным любопытством смотрел на них и спросил:

— А что такое формация восстановления души?

Сянь Хуан, встретив его жаждущий знания взгляд, собрался с мыслями и ответил:

— Формация восстановления души — это запретное искусство клана небожителей. Этот метод...

На этих словах он запнулся, словно колеблясь.

Но Мозун Дажэн без обиняков продолжил за него:

— Для этого метода требуется принести в жертву десятки тысяч культиваторов уровня Золотого Ядра и выше. Их внутренние ядра дробят прямо в телах, затем через формацию собирают высвобожденную духовную энергию, многократно очищают и прокручивают её — и в итоге можно заставить мёртвого вернуться к жизни.

Глаза Цзянь Чжэня широко распахнулись.

Обычный человек, услышав такое, лишь поразился бы: до чего же могущественна эта формация, почти божественное чудо.

Но на лице парня отразилось сострадание. Тихо он произнёс:

— Значит... ради этого должны напрасно погибнуть столько людей?..

Мозун Дажэн хмыкнул, равнодушно бросив:

— Эта формация давно считалась утраченной. Но десять миллионов лет назад один из учеников небожителей всё же привёл её в действие. После этого Павильон Скрытого Клинка горы Фулин внёс её в список запретных искусств.

Цзянь Чжэнь вдруг, словно озарённый внезапным пониманием, спросил:

— Десять миллионов лет назад... значит, кто-то уже использовал эту формацию?

Взгляд Сянь Хуана остановился на Мозун Дажэне. Его голос стал тихим и тяжёлым:

— Эта формация истребляет живые души. Такому не место в этом мире.

Цзянь Чжэнь кивнул. Он и сам не понимал, почему на сердце вдруг стало тяжело, словно его чем-то придавило. Мягким, приглушённым голосом он произнёс:

— И правда... если ради жизни одного нужно отдать жизни десятков тысяч... разве тот, кого вернули, сможет быть по-настоящему счастлив?

Мозун Дажэн ответил без тени колебаний:

— На такое идут лишь те, кто бессилён.

Цзянь Чжэнь с любопытством поднял голову. В его тёмных, словно омуты, глазах отражалась фигура Мозун Дажэна.

— Почему?

Лицо Мозун Дажэна оставалось спокойным. Его чёрные одежды странным образом перекликались с алыми верёвками, заполнившими весь зал. Он сказал ровно, почти холодно:

— Если этот почтенный возлюбил бы кого-то, он спас бы его собственной силой. Зачем прибегать к подобному?

Цзянь Чжэнь задумался, а затем слегка улыбнулся, словно соглашаясь:

— Если бы это был я, я бы тоже так поступил.

Бровь Мозун Дажэна едва заметно приподнялась:

— А ты, оказывается, не из пугливых.

Цзянь Чжэнь тут же рассердился, метнув в него обиженный взгляд. Его белоснежное личико надулось:

— Не смотри на меня свысока!

Он — маленькая травинка, но травинка храбрая.

И вовсе не собирается всего бояться!

Но всё же...

С любопытством он добавил:

— А правда ли, что одной лишь собственной силой можно справиться? Эта формация обязательно требует так много людей для активации?

Сянь Хуан стоял у каменных ворот пещеры, его взгляд был устремлён куда-то вдаль.

— Если использовать внутренние ядра культиваторов стадии Золотого Ядра, потребуется более десяти тысяч человек. Если же это стадия Зарождающейся Души — достаточно нескольких тысяч. А если стадия Формирования Духа...

Цзянь Чжэнь мгновенно всё понял, глаза его загорелись:

— Чем сильнее человек, тем большее число он может заменить одним своим ядром.

Сянь Хуан кивнул:

— Возвращать мёртвых к жизни — значит идти против Небес. Неважно, насколько высоко твоё совершенствование: всякий, кто осмелится на подобное, неизбежно будет наказан Небесным Путём и понесёт страшную кармическую расплату.

Цзянь Чжэнь оглядел бесчисленные янтари, вмурованные в стены пещеры, и тихо сказал:

— Чем выше совершенствование, тем сильнее духовная энергия... но ведь достичь такого уровня невероятно трудно. Столько страданий — и всё впустую. Неужели найдётся кто-то настолько глупый?

Едва его слова затихли, за дверью раздался яростный окрик:

— Что вы здесь делаете?!

Все разом обернулись.

Хозяин рода Ло, Ло Юйчэн, широким шагом вошёл внутрь:

— Вы посмели ночью вторгнуться в запретные земли моего поместья?!

Вместе с ним явилось множество слуг.

По пути сюда ловушки и стража в туннелях были почти полностью уничтожены. Ло Юйчэн настороженно смотрел на троих:

— Вы приходили днём. Тогда я заметил жетоны учеников горы Фулин на ваших поясах и не стал чинить вам препятствий, позволив уйти живыми. Но вы, видно, предпочли не вино почтения, а чашу наказания!

Кристаллы в пещере ярко сияли.

Слуги плотным кольцом окружили троих.

Любой другой на их месте уже дрожал бы от страха, но эти трое...

В центре стоял белокожий юноша — он выглядел немного растерянным. Мужчина в белом одеянии взирал на происходящее с холодным спокойствием, словно всё это было лишь детской вознёй. А мужчина в чёрном — тот и вовсе был расслаблен до дерзости, лениво стоя рядом с юношей и глядя на окружающих с презрением, будто на скопище муравьёв.

Ло Юйчэн сдержанно, но жёстко сказал:

— У рода Ло никогда не было вражды с горой Фулин. Не понимаю, чем мы могли вам насолить. Но если сегодня вы не дадите мне вразумительного объяснения, боюсь, я не смогу отпустить вас отсюда живыми!

По его приказу слуги ринулись в атаку.

Но все их удары отразила невидимая завеса духовной энергии. Нападавших отбросило назад, и пещеру наполнили крики боли.

Сянь Хуан опустил руку и спокойно произнёс:

— Объясняться должен ты.

Стоило Ло Юйчэну встретиться с его взглядом, как всё его тело словно окаменело. Все слуги его поместья были не ниже стадии Закладки Основ, но совместная атака такого числа людей была отражена с пугающей лёгкостью — и без малейшего урона для противников.

Эти люди...

Их уровень, вероятно, далеко превосходил даже стадию Великого Совершенства.

Сянь Хуан продолжил:

— Ты самовольно похитил запретное искусство небожителей. Откуда у тебя эта формация?

Окинув взглядом поверженных слуг, а затем янтари и гробы за своей спиной, Ло Юйчэн глубоко вдохнул:

— Не вздумайте безрассудствовать. Я, Ло Юйчэн, — дядя нынешнего старшего принца. Моё имя имеет вес не только на горе, но и во всём демоническом клане. Вы — ученики горы Фулин, значит, хотите пройти отбор. Я предупреждаю: если сегодня вы посмеете причинить мне вред, гора Фулин никогда не примет вас!

Последние слова прозвучали — и вокруг воцарилась тишина.

Затем раздался тихий, холодный смешок.

Ло Юйчэн резко обернулся к каменной стене у входа — и увидел, как до этого почти не подававший голоса мужчина в чёрном поднял взгляд. Его слова упали спокойно, но в них таилась ледяная, почти неуловимая жажда убийства:

— А если я всё-таки решу действовать как вздумается... что ты мне сделаешь?

Едва он договорил стены всей пещеры задрожали.

Бесчисленные янтарные глыбы посыпались вниз, алые верёвки обезумело закачались. Формация в одно мгновение начала разрушаться, словно вот-вот рассыплется на части, а гроб в самом центре уже почти был готов расколоться под падающими камнями.

— Остановись!

Сила уровня Великого Совершенства обрушилась сверху, насильно удерживая все падающие янтари. В голосе говорившего звучал гнев:

— Не понимаю, чем моё Фэйюньское Ущелье умудрилось прогневить Повелителя демонов, раз вы решили разнести здесь всё до основания?

Стоило вспыхнуть огню души демона — и в трёх мирах не осталось бы того, кто его не узнал.

Только что этот огонь едва не расколол души всех присутствующих, вынудив скрывавшегося за кулисами наконец выйти на свет.

Маски были сорваны.

Мозун Дажэн больше не видел смысла притворяться. На глазах у всех чёрные, скромные одежды исчезли, обнажив истинный облик: тёмно-чёрное одеяние, расшитое золотом, нефритово-чёрные волосы под золотой короной, высокая фигура, излучающая подавляющее

величие. Его лицо было безупречно красивым, но пара алых глаз смотрела опасно, так, что никто не осмеливался выдержать этот взгляд. Он улыбался — не то насмешливо, не то лениво, — а багровый огонь души манил и пугал одновременно.

— Узнал — значит узнал, — сказал Мозун Дажэн. — Когда это мне нужны были причины, чтобы что-то сделать?

— Повелителю демонов и впрямь не нужны причины... Но между мной и вами нет вражды. Прошу, проявите милость и пощадите нас. В будущем я обязательно отблагодарю вас.

Мозун Дажэн чуть приподнял уголки губ — по этому выражению невозможно было понять, доволен он или нет.

Деяния демонического божества никогда не подчинялись ни разуму, ни правилам; его настроение было столь же непредсказуемо, как и его поступки.

— Ученик небожителей, — холодно произнёс он, — осмеливается торговаться со мной?

— Вы должны понимать и моё нынешнее положение. Если сегодня вы действительно уничтожите это место и убьёте меня — не боитесь ли нажить вражду с кланом небожителей? Не боитесь ли, что мой учитель, Бессмертный Ванью, отомстит за меня?!

Слова стихли — и вновь наступила тишина.

Цзянь Чжэнь, стоявший рядом, растерянно моргнул.

Маленькая травинка молчала.

Потом он посмотрел на Сянь Хуана, принявшего человеческий облик в белых одеждах, и тихонько спросил:

— ... Он сейчас говорил о тебе?

После этой фразы пещера погрузилась в ещё более гнетущую тишину.

Сянь Хуан понял, что скрываться больше нет смысла. Он шагнул вперёд, взмахнул рукой в сторону пустоты, и его лицо стало ледяным:

— Линь Цан. Выйди.

Сила Верховного владыки трёх миров, достигшего стадии Формирования Духа, была поистине неизмерима.

В воздухе разверзлась гигантская пространственная формация. Гора Лин находилась от земель демонического клана за тысячи гор и рек, и даже техника сжатия расстояний была доступна далеко не каждому. Но Сянь Хуану хватило одного движения руки — и врата открылись.

Янтари снова посыпались вниз.

Фигура Линь Цана рухнула на землю. Он в ужасе смотрел на всех присутствующих, не в силах понять, почему его учитель оказался здесь — рядом с Повелителем демонов, да ещё и в таком месте.

Сянь Хуан опустил взгляд. Его глаза были холодны, словно покрыты инеем.

— Почему ты, будучи хранителем, украл сам у себя? — спросил он. — Почему самовольно использовал формацию восстановления души?

Янтарные камни падали вокруг.

Свет, исходивший от гроба в центре формации, стремительно тускнел. Линь Цан, стоявший на коленях, сорвался с места, почти ползком бросившись к гробу. Его голос дрожал от паники:

— Юнь Нян... Юнь Нян...

В гробу лежала женщина.

Её плоть была цела, кровь ещё не покинула тело. На ней было нежно-розовое платье, и со стороны казалось, будто она просто уснула.

Все алые шнуры разом обвисли и осыпались.

Лишившись подпитки внутренними ядрами, гроб утратил силу, и женщина внутри словно начала увядать на глазах: кожа постепенно бледнела, утрачивая живой румянец, чёрные волосы медленно серебрились, становясь седыми.

Руки Линь Цана дрожали, когда он провёл пальцами по её лицу. Слезы текли по его щекам, и он, захлёбываясь рыданиями, прошептал:

— Почему... ведь оставался всего один шаг...

Все в пещере молча смотрели на эту сцену.

Даос с обликом бессмертного, вышедший из горы Лин, стоял на коленях перед гробом, сжимая в объятиях тело женщины, что прямо у него на руках обращалось в сухие кости, и рыдал безутешно.

Даже Цзянь Чжэню стало не по себе.

Он уже собирался отвернуться, как вдруг кто-то потянул его за рукав. Обернувшись, он увидел, что это Мозун Дажэн. Цзянь Чжэнь было подумал, что и того тронула эта трагичная сцена...

Но нет.

Мозун Дажэн лишь оттащил его чуть назад и равнодушно произнёс:

— Отойди подальше. Пыли много.

Цзянь Чжэнь:

— ...Ладно.

Неподалёку Линь Цан, прижимая к себе гроб, рыдал, будто одержимый. В его взгляде постепенно исчезал рассудок, а всё тело окутывала густая, тёмная аура.

Сянь Хуань шагнул вперёд. Его голос был холоден, как вечные льды горы Лин — суровый и почти священный:

— Линь Цан. Она мертва. Не предавайся одержимости.

Линь Цан лишь бережно пригладил пряди волос на черепе в своих руках и тихо сказал:

— Ещё до того, как я вступил на гору Лин, мы с Юнь Нянь поклялись друг другу. Условия набора учеников были слишком суровы. Она поднималась в горы за лекарственными травами, копила деньги для меня... и сорвалась в пропасть. С того дня я поклялся — каким бы способом ни пришлось, я верну её к жизни.

Сянь Хуань нахмурился:

— Я учил вас: практикующий не имеет права ради личных желаний губить невинных. Неужели ты всё это забыл?

В зале воцарилась мёртвая тишина.

Человек, сидевший на коленях у гроба, опустил голову... и вдруг тихо рассмеялся.

Линь Цан смеялся приглушённо, его глаза затягивала тьма, заливая их кроваво-красным светом. Он резко поднял голову:

— Тогда скажи мне, учитель... что такое «личные желания»?

Пещера была разгромлена.

— В этом мире любой, кто является человеком, имеет личные желания! — выкрикнул Линь Цан. — Я, конечно, не сравнюсь с вами, учитель, вам под силу быть абсолютно бескорыстным! Вы ведь даже тогда могли смотреть, как умирает собственный младший брат-ученик, и ничего не сделать!!

Взгляд Сянь Хуана стал ледяным и острым, как клинок:

— Линь Цан!

— Разве я не прав, учитель? — Линь Цан уже ничего не боялся; его сердце было мёртвым. Он усмехнулся. — За эти двенадцать миллионов лет... ты хоть раз раскаялся?

Затем он перевёл взгляд на Цзянь Чжэня, стоявшего рядом с Повелителем демонов, и тихо добавил:

— Думаю, ты всё-таки раскаялся.

— Ты говоришь, что я действую из личных желаний... — Линь Цан рассмеялся сквозь слёзы. — Но разве даже Боги не подвластны этому? Ведь первым, кто использовал формацию восстановления души... был вовсе не я.